

18+

ДЖЭЕР АНКО

АЛЬФА БОО

Джэер Анко

Альфа Боо

«Издательские решения»

Джэер Анко

Альфа Боо / Джэер Анко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981651-1

Каждый день мы делаем выбор. И только от нашего сегодняшнего решения зависит то, каким станет наше будущее. И то, что сейчас ты стоишь здесь, на этом татами, уже о многом говорит.

ISBN 978-5-44-981651-1

© Джэер Анко
© Издательские решения

Содержание

Альфа Боо	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Альфа Боо Джэер Анко

© Джэер Анко, 2020

ISBN 978-5-4498-1651-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моим братьям

Альфа Боо

Я видел сон о том, как в воде растворяются чернила. Они тонут в ней красивыми изгибами, растекаются, как дым или как чувства. Капли были черными и темно-синими, и оставляли такие же следы. Это был очень красивый и спокойный сон. Мне редко такие снятся.

А, проснувшись, я вспомнил, что на мне несколько дней назад тоже остались красивые чернила. Я отдернул одеяло и вытащил свою левую руку. Все предплечье покрывали старые и новые шрамы, а поверх тянулась черная надпись на английском. «Нужен океан, чтобы не сломаться». Я провел по надписи правой рукой и впервые, наверное, в жизни почувствовал нежность и привязанность к телу, в котором родился. А потом я коснулся свежей глубокой царапины на щеке. Это была реакция моей мамы. Впрочем, какая разница?

Было еще очень рано. Я всегда вставал раньше мамы, чтобы как можно меньше встречаться с ней, не раздражать лишней раз. Я принял душ, натянул джинсы, кеды, футболку и куртку и выскочил из дома. До начала моего рабочего дня тоже было еще далеко – почти четыре часа. Но пекарня Даринки открывалась в семь, а это было самое гостеприимное заведение, которое я знал, поэтому я направился напрямик к ней.

Я брел по сонному залитому майским солнцем городку и чувствовал себя вполне сносно, не сказать хорошо. Я давно уже не чувствовал себя так... спокойно. Обычно я нахожусь в состоянии постоянной войны со своим собственным разумом, а поле битвы – мое тело. И это утомительно, и выиграть в этой войне невозможно, потому что разум всегда знает все и всегда на шаг впереди. Можно пытаться вести эту войну с помощью оружия массового уничтожения (лекарств или наркотиков, например), но тогда страдают обе стороны, а я и так устал. Я курил. А теперь понял, что это никогда мне не помогало и не поможет. А эта надпись на моей руке удивительным образом давала мне силы.

Я прилип носом к стеклянной двери пекарни и постучался. Даринка выглянула с кухни и расплылась в доброй улыбке. Она вытерла руки о фартук, открыла мне дверь и пропустила внутрь.

– Доброе утро, Янко. Ты на полчаса раньше, чем нужно.

– Я помогу, ладно?

Женщина погладила меня по щеке, глядя на царапину с беспокойством и заботой во взгляде. А потом вспомнила, что в печи стоят слойки с лимоном и побежала обратно на кухню, а я взялся переворачивать стулья и расставлять на маленькие столики вдоль окон сахарницы и салфетницы. Потом я полил цветы в горшках на улице и вымыл окна. Когда я вернулся в зал, Даринка выкладывала свежую выпечку и хлеб в корзины, а на моем любимом столике в углу у окна стояла большая чашка с чаем, и лежали две слойки – с шоколадом и с яблоком и корицей. Мои любимые. Я улыбнулся.

– Не стоило...

– Глупости! Ты мне всегда так помогаешь! Работаешь сегодня?

– Да. Я хотел еще немного посидеть здесь, можно?

– Что за глупый вопрос, Янко, оставайся, сколько захочешь.

Я сел за столик, вытащил свой блокнот и черную ручку, и вгрызся в первую слойку. Я не знаю, почему Даринка так хорошо относилась ко мне. Наверное, потому что у нее у самой не было детей, а ей хотелось. И она, в отличие от моей родной мамы, не считала меня дефектным. Ей было все равно. И она никогда не задавала мне лишние вопросы. И никогда не прогоняла.

За свою короткую жизнь я успел позаниматься кучей вещей. Я пел в хоре и занимался музыкой, рисовал, ходил на танцы, только это все было не то. Нет, мне зачастую нравилось все это делать, но не настолько, чтобы хоть что-то из этого стало моим хобби или призванием.

А потом я вдруг заметил, что у меня лучше всего получается рассказывать истории. С тех пор, как мне исполнилось пять лет, я придумывал в своей голове какую-то бесконечную книгу. Там была целая толпа героев, с которыми постоянно что-то происходило. Мне ужасно это нравилось, потому что через них я мог воплощать свои самые смелые мечты и фантазии. Я мог делать их красивыми, умными, смелыми и сильными. То есть такими, каким я никогда не был. Я мог знакомить их с теми, с кем я бы очень хотел, но никогда не смог бы встретиться сам. Я мог подружить их с любимыми музыкантами или актерами, или героями других книг, или фильмов, или мультиков. И это было невероятно приятно. Поэтому, пока я был маленький, я просто забивался в уголок в своей комнате, зажимался и воображал. А потом это стало привычкой, настолько сильной и живучей, что я до сих пор не мог от нее отучиться. Да я и не хотел.

Я начал записывать некоторые из этих историй в большие блокноты. Истории становились рассказами, и я месяцами шлифовал свое умение излагать. И это стало моей второй натурой. Я жил между строк. И чувствовал себя в книжках как дома. Отчасти потому, наверное, что поначалу думал, что такие, как я, тоже бывают только в книжках.

Я родился девочкой. Но уже, наверное, годам к шести понял, что совершенно не хочу носить платья и играть в куклы. И чем старше я становился, тем больше я убеждался в том, что природа что-то где-то напутала, создавая меня. Я должен был родиться мальчиком, я чувствовал себя мальчиком. Становилось все хуже и хуже, пока во мне не началась эта бесконечная война. А последние годы это больше похоже на ковровую бомбардировку. Причем, водородными бомбами. И мое единственное убежище – снова рассказы и книги. Писать и читать. Читать и писать.

Отец ушел от матери, когда я был еще совсем маленьким. Я не виню его – с моей мамой трудно ужиться. Она не плохая, но слишком близко все принимает к сердцу, а еще она певица, и поэтому у нее тонкая, не сказать истеричная, душа. И это просто невыносимо местами. У меня нет ни братьев, ни сестер, и это очень грустно. Мне всегда хотелось, чтобы у меня был старший брат, с которым я мог бы делиться своими переживаниями и просить советы.

У меня даже друзей нет, потому что мои сверстники кажутся мне слишком глупыми. Меня всегда тянуло к тем, кто старше. Наверное потому, что я сам далеко не чувствовал себя подростком.

Я работал в сувенирном магазине в музее этнографии. Мне там ужасно нравилось, потому что я мог сколько угодно бродить из зала в зал в свободное время, а еще моим начальником был Гаспер, сам историк по образованию, очень умный и интересный человек. Он все время рассказывал мне что-нибудь. Сначала я просил об этом, а потом он привык настолько, что начал пичкать меня разрозненными знаниями без подсказок. И я был счастлив. А еще он совершенно спокойно относился к тому, что я, ну, мальчик... вернее, поначалу я откликнулся на свое настоящее имя, стеснялся, но однажды после смены он отвел меня в сторонку и попросил объяснить, что со мной происходит. Тогда я рассказал ему все, и он просто кивал и слушал, а потом улыбнулся и молча переделал мой бейджик. Я тогда чуть не расплакался. Так Даринка и Гаспер стали моими приемными родителями.

День в музее пролетел незаметно. Солнце еще светило, когда я стоял на улице у входа и пытался придумать, чем заняться дальше. Домой мне не хотелось совершенно, что, впрочем, не удивительно. Злоупотреблять гостеприимством Даринки мне не позволяла совесть, которая у меня все-таки была. Но это было еще не самое страшное! Гораздо хуже было то, что это была суббота, а по воскресеньям у меня традиционно выходной. Это означало, что мне придется где-то шататься больше суток!

Я сел на бордюр на площади у музея и подпер голову руками. Перед этой проблемой я оказывался из недели в неделю. Но, пока приходилось ходить в школу, я еще хоть как-то справлялся, а что я буду делать через месяц, когда занятия окончатся, я сдам все экзамены, и окажусь в подвешенном состоянии?

Я засунул руки в карманы джинсов и нащупал целую гору каких-то бумажек, выгреб ее и начал изучать. По большей части это были какие-то салфетки и листочки из блокнотов, на которых я записывал какие-нибудь мысли. А еще я нашел чек из салона татуировок. А на обратной стороне мастер написал мне свой телефон и имя. Он взял с меня слово, что если мне станет плохо, от татуировки ли или нет, я позвоню ему. Я еще долго смотрел на строчку цифр, прежде чем вытащить телефон и набрать номер. И сразу бросил трубку. Кажется, его телефон на том конце линии даже не успел понять, что случилось.

Город лениво погружался в субботний вечер. На центральных улицах копошилась жизнь, в основном в виде туристов, и я пошел туда. Не то что бы я любил толпу – а кто вообще ее любит? Но в толпе я чувствовал себя незаметным. Потому что школа, дом и все такое – это микроскоп, на стекле которого я жил почти всю жизнь, и где меня препарировали все, кому не лень.

Но когда часы ратуши пробили полночь, а улицы опустели, я прислонился к стене и сел на еще не до конца успевшую остыть брусчатку. Черт. Черт.

Только не домой, только не туда, пока она еще не спит. Только не в это осуждающее молчание или эти истерики. Только не это. А какой еще у меня был выбор?

Я снова засунул руки в карманы и вытащил смятый чек и телефон. Свернувшись в клубок, я прижал смартфон к уху с такой силой, как будто хотел вдавить его в череп. На том конце послышались длинные гудки. Один, потом второй, третий, а четвертый оборвался, потому что мастер взял трубку.

– Алло?

– Э... да, привет, это... это Янко. Ты меня, наверное, не помнишь, я...

– «Нужен океан, чтобы не сломаться», – спокойно произнес мастер, – помню. Что случилось?

– Нет, ничего, просто... я просто хотел... поблагодарить, наверное. Все хорошо. Спасибо. Извини, что так поздно.

– Где ты? – вдруг спросил он.

В моей памяти мгновенно всплыло изображение фонтана Робба.

– Я у фонтана Трех Рек.

– Вот там и сиди. Я скоро.

С этими словами он отключился.

– В смысле...? – начал было я, но тишина в трубке была весьма красноречива и безапелляционна.

Любляна – маленький город. Ну то есть, правда маленький. Для столицы особенно. Но я не слишком представляю, как люди живут в, скажем, Москве или Нью-Йорке, или Мехико, или даже Париже. Любляна – это идеальное место для встреч, потому что потеряться в ней невозможно, даже при большом желании. Это и хорошо, и плохо.

Я добежал до фонтана и устроился на борте его чаши, рядом с той статуей, которая олицетворяла Любляницу. Буквально через минуту рядом со мной сел мастер. Его русые волосы, усы и борода были взъерошены, как будто он только что встал с постели. Он улыбнулся мне и протянул руку для приветствия.

– Здорово. Ну, рассказывай.

Я молчал, глядя на носки кедров. Зачем я позвонил ему? Зачем он пришел?

Он кивнул на мое левое предплечье.

– Можно посмотреть?

Я стащил куртку и протянул ему руку. Он внимательно осмотрел татуировку, а потом провел пальцем по штрих-коду мелких шрамов.

– Детеныш, скажи, зачем?

Ну как кратко ответить на такой вопрос? Я только одному человеку это рассказывал, и то пришлось исписать ему всю спину. Я подтянул под себя ноги и пожал плечами.

– Так проще, чем когда шрамы внутри.

Мастер покивал. Он положил ладонь мне на голову и задумался о чем-то. Не знаю, как это объяснить, но тяжесть его руки действовала на меня успокаивающе. Вся его фигура излучала уверенность. Уверенность человека, который мог бродить майской ночью по столице государства в пижаме и шлепанцах на босу ногу.

– Знаешь, детеныш, я тебя, пожалуй, себе оставлю. Я тут недавно котенка подобрал бездомного у салона, так что мелочью больше, мелочью меньше – без разницы, – я непонимающе уставился на него, и он объяснил, – если бы ты мог спокойно вернуться домой, ты бы не сидел сейчас здесь. У меня есть спальник. Поспишь сегодня у меня. Кстати, ты можешь звать меня Санчо. Так меня зовут друзья. Пойдем.

Он широкими шагами двинулся в сторону моста, и я, вскочив, побежал за ним. Я совершенно не соображал, что делаю. Просто меня притягивала энергия и сила, исходящая от этого человека. И тот факт, что я видел его второй раз в жизни, ничуть меня не беспокоил.

Через пятнадцать минут мы оказались в небольшой квартире с гостиной и одной спальней. Я смущенно топтался в прихожей, а Санчо вытащил с антресолей спальник и расстелил его на диване.

– Вот, детеныш, ложись. Завтра поговорим, – он потрепал меня по волосам и легонько толкнул в плечо, – спи.

С этими словами он погасил свет и исчез за дверью своей спальни. Я посидел немного, пытаясь осмыслить все случившееся, но потом усталость победила, и я залез в спальник и мгновенно уснул.

Когда я проснулся, у меня на голове, забравшись в волосы, спал крошечный черный котенок. Я осторожно взял его в руки, и тот запищал. Я нежно погладил его по пушистой шерстке и опустил на ковер. Потом нашел свой смартфон. На нем было двадцать три пропущенных звонка от мамы. Наверное, надо было ей перезвонить. Но я вышел в коридор, нашел ванную и умылся. Поскреб пальцем, смазанным зубной пастой, зубы и язык, чтобы создать хоть видимость утренней рутины. А потом пошел на кухню.

Санчо стоял у плиты ко мне спиной и что-то жарил.

– Доброе утро, детеныш. Как спалось? Садись, будем завтракать.

Я опустился на табуретку, а он поставил передо мной тарелку с пышным омлетом. Я уже забыл, когда в последний раз мама готовила мне завтрак. А мастер тем временем разливал по кружкам кофе.

Я чувствовал, что должен признаться ему. Он ведь, наверное, не знает и не понимает.

– Санчо, знаешь... я ведь... я не... на самом деле...

– Ага, ты девчонка, – спокойно сказал он, отправляя в рот полную вилку омлета, – думал, я совсем слепой? Ты похож на мальчика, очень, но ты не мальчик.

– Прости, – тихо сказал я, – если я тебя раздражаю или...

Он покачал головой и улыбнулся.

– Мне все равно, как ты себя идентифицируешь и так далее. Меня гораздо больше волнует это, – с этими словами он очень осторожно провел ладонью по моему израненному предплечью, – неужели все настолько плохо?

У него была очень тёплая рука. Мои пальцы вечно ледяные, как у лягушки, и его прикосновение почти обожгло меня. Но это было приятно и успокаивающе, и так... по-доброму.

– Боль наш союзник, понятно, но это один из тех союзников, к которому надо обращаться только в самых крайних случаях, – продолжил он, беря с подоконника открытого окна тонкую длинную трубку и аккуратно набивая её табаком.

Я молчал, уткнувшись взглядом в ободок кружки. Я вообще не привык разговаривать с людьми. Ну, то есть, на работе мне приходится это делать, и иногда мне это даже нравится, но вот так, изливать свою душу кому-то мне не приходилось. Для мамы я утратил всякую цену в тот момент, когда перестал следовать её плану, а мои одноклассники по большей части либо игнорировали меня, либо издевались. Да, все довольно грустно.

Санчо выпустил струйку дыма в окно и допил остатки кофе.

– Ешь, пока горячее. У тебя такой вид, как будто ты давно не ел.

– Я просто забываю часто о том, что это нужно делать.

Мастер кивнул, а я наконец принялся за уже остывший, но все равно ужасно вкусный омлет. Вдруг что-то кольнуло меня в босую ногу, и я дёрнулся. Посмотрев вниз, я увидел котёнка, который играл с моим пальцем. Я улыбнулся.

– Как его зовут?

– Лакрица. Я его недавно подобрал. Как-то утром прихожу на работу, а он сидит на ступенях и пищит. Непонятно, как он вообще там оказался, но я подумал, что он слишком маленький, чтобы выжить в одиночку.

– Это верно...

Я встал, собрал тарелки и отнёс их в раковину. Потом рассеяно включил воду и вымыл посуду. Санчо молча наблюдал за мной.

– Янко, – позвал он, и я обернулся, – я хочу, чтобы ты пришёл в понедельник около шести в мой салон. Я тебя кое-куда отведу и кое с кем познакомлю. Не бойся, тебе понравится. Должно понравиться. Я так думаю.

Я смотрел в спокойные серо-зеленые глаза мастера и не понимал, почему он так хорошо ко мне относится, за что? Кто я вообще ему? Первый встречный. Никто, кроме Даринки и Гаспера не относился ко мне хорошо. И тут я вспомнил, что мне сейчас предстоит вернуться домой и объясняться с мамой. Видимо ужас отразился на моем лице, и Санчо нахмурился.

– Что такое?

– Мама...

Он кивнул. Потом встал, потянулся и пошёл в свою комнату.

– Подожди.

Я опустил на стул и свесил руки между коленей. Мне было страшно представить, что ждало меня. Я не просто не ночевал дома, я даже не сообщил об этом. И не ответил ни на один звонок. И не перезвонил. Что-то будет...

Санчо вернулся уже одетым не в пижаму. На нем были джинсы, футболка и клетчатая рубашка. Ему даже причесаться удалось! Вот таким я помнил его по нашей первой встрече в салоне.

– Ну, идём?

– Куда?

– К тебе домой.

Я округлил глаза.

– Нет. Нет. Нет-нет-нет!

– А придётся.

Он обхватил меня за плечи и вытащил на лестничную площадку. Не успел я и глазом моргнуть, как мы уже шли по улице. Мне не оставалось ничего другого как подчиниться своей судьбе. Интересно, что у Санчо в голове? Он странный. Но я каждой клеточкой тела чувствовал исходящее от него спокойствие.

Через двадцать минут мы дошли до моего дома и остановились у лестницы.

– Вот...

– Ты на лестнице живёшь? На каком этаже квартира? Пошли.

Он открыл подъезд, и я кинулся за ним. Я первым взлетел на свой третий этаж и встал у двери. Санчо сам нажал кнопку звонка. Через несколько секунд дверь распахнулась, и на пороге появилась мама в шелковом красном халате и с гримасой гнева на лице.

– Где тебя... – начала она, но увидев Санчо, растеряно замолчала.

– Здравствуйте, пани Сирила, – сказал мастер, улыбаясь, – вот, привёл Вашего парнишку. Пока, дружок, не забудь о понедельник. И захвати что-нибудь удобное из одежды. Шорты там или что... пока!

С этими словами он очень крепко обнял меня и коснулся пореза на щеке. Предварительно убедившись, что мама во все глаза смотрит на нас. Я проводил его взглядом, а потом обернулся к ней. Я ждал, что она будет на меня орать, будет истерить, но она была настолько ошарашена появлением Санчо, что не нашла слов. Я проскочил мимо нее и шмыгнул в ванную.

Я не люблю принимать душ. Вернее, нет, мыться мне как раз нравится, а вот вылезать из ванны – нет. Потому что у нас на стене висит огромное зеркало, и я все время ловлю в нем своё отражение. Моё тело, оно... какое-то неправильное. У меня почти нет груди, что плюс, но это все равно не моё тело. Я хочу, чтобы оно изменилось. Я столько раз желал этого! Столько желаний загадал на падающих звёздах, свечах на именинных тортах, ударах новогодних курантов. Но чудес не бывает, я это точно знаю.

Приведя себя в порядок, надев нормальную утяжку и переодевшись, я опять сбежал из дома. Я пошёл в парк и, расстелив куртку на газоне, сел на солнышке, прислонившись спиной к дереву. Вытащил ежедневник и ручку.

«У моего старшего брата на руках распускаются цветы».

Я перечитал эту строчку несколько раз. Старший брат. Я всегда хотел, чтобы у меня был брат. А Санчо мог бы стать им. Хотя... кому я нужен, такой изломанный и неправильный? Но он хотел, чтобы я пришёл в понедельник. Два дня! Как пережить эти чертовы два, нет, почти два дня?!

Почти все воскресенье я провалялся в парке. Я прочитал страниц триста, а когда уставал, откидывался на спину, подложив руки под голову, и фантазировал. В моих историях у таких ребят, как я, был шанс. В реальном мире... ну, почти никаких. Я протянул руку ладонью к солнцу и растопырил пальцы. По предплечью бежала надпись. Самый настоящий заговор. Иногда мне ещё хотелось причинить себе боль. А потом я смотрел на эти слова, и мне не хотелось их уродовать. Это была единственная красивая часть моего тела. Я опустил руку на глаза и постарался уснуть.

Понедельники были моими самыми нелюбимыми днями. И не по той причине, по которой их ненавидит добрая половина человечества. Просто по понедельникам в школе была физкультура, а наша чудесная администрация по какой-то необъяснимой причине решила, что нам надо заниматься ею до самых экзаменов. Но проблемы начались давно. С тех пор, как я официально перестал называть себя Аленкой.

Каким образом убедить взрослых образованных людей, что ты не можешь переодеться в женской раздевалке, потому что ты, ну, не девочка? Как это доказать, если тело, которое, теоретически, должно быть на твоей стороне, против тебя? Поэтому я предпочитал переодеться где-нибудь в подсобке или туалете, в общем, где угодно, где можно было остаться более-менее в одиночестве.

Да и с самой физкультурой тоже отношения не складывались. Я был недостаточно быстрым, недостаточно сильным, недостаточно выносливым. Бег на километр практически убивал меня, отжимания были пыткой, а уж подтянуться я вообще не мог ни разу. Я просто стискивал зубы и пытался пережить отведённые на урок сорок минут.

После занятий я заглянул в музей и пару часов помогал Гасперу. Мы оба ждали лета, когда у меня наконец-то появится больше свободного времени. Я собирался поступать в университет, но проблема была в том, что я не знал, кем я хочу стать. И я решил немного подумать

и определиться к сентябрю, чтобы с началом занятий, в октябре, уже прибиться хоть куда-нибудь.

К шести я зашёл в салон Санчо. Судя по звуку машинки, у него был клиент, а за стойкой стояла девушка с пирсингом в губе и большим красочным тигром на плече и что-то рисовала. Она подняла на меня глаза и улыбнулась.

– Привет! По записи?

– Нет, я... я к Санчо пришёл. Я подожду его тут, можно? – спросил я, указывая на кресло в углу.

– Да пожалуйста! Хочешь чаю? Или кофе? Нет? Ну отдыхай.

Я сидел минут пятнадцать, а потом из кабинета вышел довольный клиент с заклеенной икрой, а за ним Санчо. Расплатившись, молодой человек ушёл, а Санчо посмотрел на меня.

– Привет, детёныш. Готов?

– Я... так и не понял, к чему, но наверное?

Мастер взял свой рюкзак и повернулся к девушке.

– Запрещь здесь все? И иди домой, на сегодня уже точно хватит.

– Не вопрос! А ты идёшь убивать людей?

– Ага.

– Ну удачи!

Мы шли по улице в сторону от реки. Я редко бывал в тех районах. Это считалось окраинами, хотя очень трудно представить окраины в таком миниатюрном городе, как Любляна. Но, учитывая как раз общий размер города, шли мы недолго. Вскоре мы остановились у какого-то офисного здания, где над дверью в подвал была вывеска с надписью «Клуб Волопас».

– Что? – спросил я.

Санчо кивнул на деревянную скамейку недалёко от входа, и мы сели. Он набил свою трубку и закурил.

– Я хочу познакомить тебя с моим самым лучшим другом. Да не, какой друг. Он мне ближе, чем родной брат. Мы с ним знакомы с первого класса, ещё с тех пор, как оба жили в Москве.

– Так ты русский?

– Русский-русский, а что, не видно? Это хорошо. Ну вот. Ари – мой друг – переехал в Словению сразу после окончания школы. Он поступил здесь в университет, а я продолжил учебу в Москве. И в какой-то момент, когда он устал от моих жалоб на жизнь в России, он уговорил меня переехать сюда. Что я и сделал, – Санчо посмотрел на меня в упор, – я бы доверил этому человеку свою жизнь. Не так: я неоднократно доверял этому человеку свою жизнь. Так что, детёныш, я могу спокойно доверить ему тебя.

Он выбил трубку и встал. Мы зашли в дверь, спустились по лестнице в подвал, и Санчо заглянул в зал.

– Привет!

К нам вышел его друг. Ему, как и Санчо, тоже было едва за тридцать. У него были короткие темные волосы и аккуратная борода, обрамляющая рот и подбородок. Но лучше всего была его улыбка. Очень радостная и искренняя. А ещё глаза. Они не были голубыми, нет, они были светло-бирюзовые, как вода Адриатического моря на мелководье в ясный солнечный день.

– Янко, это Ари, – представил нас Санчо, – Ари, это Янко. Я говорил тебе о нем.

– Да, я помню, – согласно улыбнулся тренер и протянул мне руку, – привет, добро пожаловать.

Его рука не была такой горячей, как рука Санчо, но сквозь его ладонь струилась сила, чистая и тёплая, и мне сразу очень понравилось это новое чувство. Мне не хотелось отпускать его руку. А он ещё и за предплечье меня взял.

– Я пока пойду переоденусь, – влез мастер и пошёл к раздевалке.

– Давай, – кивнул Ари и снова обернулся ко мне, – так, смотри. Саша тебе ничего не рассказывал? Нет? Хорошо. То, чем мы тут занимаемся, это не спорт. И не боевое искусство. Это техника самообороны и способ решать проблемы быстро и жестко. Мы учимся выживать. Тебя это интересует?

Я слотнул. Не знаю. Наверное. Да. Ох... я мелко закивал.

– Оставайся на это занятие. Если не понравится, всегда можно уйти. Хочешь попробовать?

– Да, – сказал я, не отводя взгляда от глаз учителя.

Он хлопнул меня по плечу.

– Пойдём, покажу тебе все.

Санчо в этот момент как раз вышел из раздевалки, а мы туда зашли.

– Всем привет, – поздоровался Ари, и ребята ответили тем же, а потом перевели взгляды на меня, – ребят, это Янко, принимайте в семью. Переодевайся здесь, обувь не нужна, только удобная одежда. Хорошо? Что такое?

– А... Ари... а Санчо... не говорил тебе, что...

– Янко, успокойся. Все хорошо. Не бойся. Переодевайся и приходи в додзе.

Я нервно кивнул и поставил рюкзак на скамью. Потом стал раздеваться. Разговоры вокруг не прекращались. Ребята не обращали на меня внимание. Они не игнорировали меня, нет, просто они были заняты своими делами. Я быстро натянул шорты и футболку и выскочил через коридор в зал.

Ари и Санчо стояли у окна и разговаривали по-русски. Я топтался у двери в углу и старался занимать как можно меньше пространства.

– Янко, заходи, иди сюда.

Я подошёл.

– Санчо, присмотришь сегодня за своим братишкой?

– Конечно. Я здесь для этого и поставлен.

Ари повернулся ко мне и сжал моё плечо.

– Ты сам контролируешь процесс тренировок. Есть какая-то граница, средняя линия. Если можешь, делаешь больше, не можешь – меньше, главное – правильно. Если будут вопросы – поднимай руку, я или Санчо тебе подскажем. Команда «одна линия» – это все выстраиваются вдоль стены, когда я что-то объясняю. Хорошо?

Я кивнул.

– Но самое главное – это получать удовольствие. И улыбаться. Мы здесь все потому, что нам это нравится, мы не умирать сюда приходим, а наоборот, – он сделал глубокий вдох и раз улыбнулся, – жить и дышать полной грудью. Ладно?

– Ладно.

– И люди здесь все адекватные и милые, никакого быдла, у всех высшее образование. А то и два. Так что ты втягивайся.

В этот момент в зал вошли две девушки. У одной были яркие рыжие волосы, схваченные заколками, и она явно чувствовала себя в зале как дома. Вторая тоже с улыбкой приветствовала всех, оглядывая зал большими серо-голубыми глазами. Они обе посмотрели на меня, переглянулись и подошли к нам с учителем.

– Привет, девчонки, принимайте в семью.

– Привет, – рыжеволосая девушка сжала мою руку, – я Лис. А это Маржета.

– Янко, – пробормотал я.

– Ты чего, смотри веселее! Боишься? Чего боишься-то? Мы не кусаемся.

– Ну только иногда, – улыбнулась Маржета.

Стали заходить ребята. Я сидел в сторонке, стараясь не привлекать к себе внимание. Они разговаривали, шутили, смеялись, некоторые повторяли какие-то удары, другие заматывали руки бинтами.

– Время! – громко сказал Ари, и все выстроились в одну линию у стены.

Я встал с краю, но по левую руку от меня вдруг нарисовался Санчо. Учитель улыбнулся, и мы поклонились друг другу. Это было... не знаю, как объяснить. Прекрасно? Да. Ари рассказал, чем мы будем заниматься на тренировке, а потом позвал Санчо провести разминку.

И вот тут-то и начались трудности. Моей потрясающей воображение координации не хватало даже на то, чтобы вращать руками в разные стороны! Я сбивался, мне было очень трудно. Я останавливался, пытаюсь разобраться. Санчо подсказывал мне, но, поскольку он вёл разминку для всех, он не мог постоянно на меня отвлекаться. А Ари, как оказалось, мог. Он просто встал напротив меня и очень терпеливо объяснял каждое движение.

– Прости, – пробормотал я.

– Все в порядке, недели через две уже будешь влет все делать.

– Пять выдохов в пол, пять через стороны, – сказал Санчо, – и одна линия.

Ребята отдышались (Ари пришлось даже этому меня учить!) и выстроились вдоль стены. Учитель вышел на передний план, а мастер встал рядом со мной.

– Силовой блок: десять-десять-десять. Первый-второй.

Мы рассчитались, и Санчо притащил из торца зала большую красную подушку.

– Это боксерская лапа, – сказал он и вкратце объяснил суть того, что мне предстояло сделать.

Я вытаращил глаза.

– Санчо... я не смогу...

– Делай, сколько сможешь, но правильно. Я тебе помогу. Два, три, пять раз – как получится. Давай.

Я встал в упор лёжа, готовясь к отжиманиям. Мне удалось более-менее удачно отжаться пять раз. Потом я поднялся и должен был хотя бы столько же раз ударить лапу прямыми ударами с обеих рук. Тут подошёл Ари. Он взял меня за плечи сзади и показал, как должны были двигаться ноги, таз, плечи, локти, руки и кулаки. К тому моменту, как мне удалось изобразить хоть что-то похожее на правду, ребята начали уже второй круг. Потом было упражнение на пресс, где надо было из упора лёжа перескакивать в упор сидя. После четырёх повторений я еле дышал. Потом удары коленями, и это тоже потребовало от меня полной концентрации. Приседания были самым понятным и простым для меня. Это мне удалось. И последнее – удар ногой, и снова Ари показывал, что делать.

– Представь, что ты – колодец-журавель. Качнулся назад – нога за счёт таза пошла вперёд. Только не подседай на опорную ногу. Ага, вот. Вот! Молодец.

Но я не чувствовал себя молодцом. За выделенное время я успел только один круг, и то с горем пополам. Но Санчо хлопнул меня по плечу и взъерошил волосы.

– Отдышись, детёныш. Все хорошо.

Это было проще сказать, чем сделать. Мне хотелось лечь и свернуться клубочком. Но Санчо не разрешил мне даже сесть.

– Лучше походи немного, подыши. Правда, тебе станет легче.

Я стал бродить туда-сюда вдоль стены, и, к моему удивлению, мне на самом деле стало лучше.

– Одна линия, – скомандовал Ари, и все встали, – в ударной части сегодня продолжаем отрабатывать двойки – джеб, кросс; а в технической – захваты за одежду, за руки, одной и двумя руками. Санчо, возьми две маленькие лапы, пожалуйста.

Мастер выполнил просьбу и встал напротив учителя. Он поднял лапы, а Ари несколько раз пробил в них комбинацию из двух прямых ударов. Они оба начали двигаться, то отступая, то смещаясь в стороны.

– Сначала повторяем удары, потом – защиту от контратак. Уклоны, отбивы, подставки. Помним? Понятно, что делать? В тех же парах. Сейчас первые номера работают, вторые держат лапы, смена по команде. Спасибо, Саш.

– Пойдём, – мотнул головой Санчо.

Мы подошли к грушам, и он велел мне сделать в одну из них пару ударов. Я попробовал.

– Так, – начал он, – во-первых, не сутулься. Во-вторых, опусти плечи, расслабь их. В-третьих, оторви пятку дальней ноги – тебе надо на чем-то поворачиваться. Ты собираешь энергию, начиная с ноги. Смотри, – он медленно довел кулак до груши, – нога, бедро, плечо вперёд – не вверх, рука, и только потом уже кулак. Вообще нет, не надо тебе кулак, бей ладонью. Ну-ка.

Он встал сзади, положил руки мне на бёдра и стал поворачивать их. Я приподнял пятку.

– Удобнее так, да?

– Ага...

– Так, теперь руки.

Он битых десять минут показывал мне, как должен в идеале выглядеть прямой удар. Я быстро окинул взглядом зал. Остальные отрабатывали удары, а Ари подходил к каждой паре и поправлял, если нужно было, мелкие ошибки. Потом он подошёл к нам.

– Ну? Давай.

Я по очереди вдавил в лапы у Санчо на руках два удара. Ари внимательно посмотрел и кивнул.

– Так, уже кое-что. Смотри, что хорошо: ты поворачиваешь плечи, только не надо это делать слишком сильно. Вот так, – он взял меня за плечи и повернул несколько раз, – и ещё: всегда возвращай руки к лицу, не открывайся, а то тебе прилетит удар тут же. Санчо, он коварен! Чуть откроешься – бум! – и нет головы. А она нужна. Шляпу носить, а ещё мы в неё едим. Ага? А так уже хорошо!

Он улыбнулся и слегка сжал моё плечо. Санчо меланхолично кивнул и выставил лапы. В других парах ребята поменялись.

– А ты...?

– Ты работай, не отвлекайся. Пока медленно и без контратак. Это я потом тебе покажу. Давай, джеб-кросс.

Ещё через пять минут Ари хлопнул в ладоши, и снова все выстроилось вдоль стены. В этот момент в зал заскочил ещё один парень, кланяясь и извиняясь.

– Работа...

– А мы тебя все равно рады видеть! О! – Ари потёр руки, – отлично, Элайджа, поработай с Янко, а мне надо будет с Санчо посекретничать.

Парень кивнул мне. Он был того же возраста, что и мастер, у него были короткие русые волосы, весьма характерный еврейский нос и голубые глаза. И, судя по немного дезориентированному взгляду, в обычной жизни он носил очки.

– А что работаем?

– Захваты.

– А, хорошо! – он подошёл ко мне, – тебя Янко зовут?

– Да... и я ничего не умею...

– А, ну это нормальное состояние. Не переживай. Давай начнём с захватов за одежду одной рукой.

Элайджа спокойно и терпеливо стал объяснять мне, что такое «крючок» и за что он должен цепляться, и куда идти, и где надо надавить, подтянуть, повернуть... в общем, все тонкости этого дела, но все это казалось мне чуть ли не ядерной физикой.

– Вот, это одна рука, – сказал он, когда у меня получилось сделать правильно пару раз, – а второй рукой ты должен ударить меня в дыхательное горло.

– Что...?

Он поставил два пальца между ключиц и слегка надавил.

– Вот сюда, в ямку. Только это будет не просто удар, ты должен надавить туда вниз под углом в сорок пять градусов, тогда человек просто оседает.

Мой мозг отказывался воспринимать эту информацию. Одно дело лупить грушу или лапу, и совсем другое – причинять реальную физическую боль живому существу.

– А...

– Ты попробуй.

Я сглотнул. Элайджа ободряюще кивнул.

– Давай пока медленно. Только все вместе. Одной рукой «крючок», другой – удар.

Я не понял, что сделал. Вернее, с левой рукой, которая ушла в захват, все было более-менее понятно, но правая... я просто воткнул пальцы ему в горло, а он даже не шевельнулся.

– Промахнулся. Дай-ка.

Он взял мою руку и ещё глубже вдавил в ямочку на шее, а потом подсогнул мою кисть, и, издав хрип, подсел на колени, отшатываясь назад. Я резко отдернул руку.

– Прости! Прости, ты в порядке?

– Да вообще отлично!

В этот момент к нам подошёл Ари, сияя улыбкой.

– Нуууу, как успехи?

– Ари, я... я не могу причинять боль...

– Да разве ж это боль? – усмехнулся Элайджа, качая головой, – больно потом будет тебе, если ты сейчас не научишься это делать.

– погоди, Элайджа, – тихо сказал учитель, – Янко первый раз и поэтому немного в шоке, да? Подойди, пожалуйста, к Саше, он тебе кое-что сказать хочет.

Тот кивнул, хлопнул меня по плечу и отошёл. Ари повернулся ко мне. Я уставился на него совершенно ошалелым взглядом.

– Тебе не причинят здесь вреда. Может быть больно, но...

– Я не о себе беспокоюсь! Я не против огрести. Я не боюсь боли. Я боюсь, что причину её кому-то...

Ари провёл рукой по волосам.

– Ты неизбежно это сделаешь. Это не будет сильная боль, скорее что-то совсем легкое. Что оставит синяк или царапину. Но мы работаем на касание. Знаешь, почему? – я мотнул головой, неотрывно глядя в глаза учителя, – чтобы научиться. Если мы не научимся определять дистанцию, направление или угол, там, на улице – там никто не будет тебя жалеть. Там не будет второго шанса и возможности что-то переделать или начать заново. Это все происходит здесь. Тем, что ты доносишь удары до цели, а начатое доводишь до конца, ты, возможно, спасешь им жизни в будущем. Что лучше – синяк сейчас или пробитая голова потом?

Сзади кто-то положил руку мне на голову, и я сразу понял, что это был Санчо. Ари подмигнул ему.

– Ведь так?

– Точно.

Учитель махнул руками на себя, приглашая меня к спаррингу. Он взял мою руку и захватил ею ткань своей формы. А дальше он показал все очень медленно и осторожно, но я почувствовал каждое его движение. И когда его пальцы – не резко – воткнулись в моё горло, у меня перехватило дыхание. Я начал отклоняться, но Ари удержал меня за руку, а Санчо подхватил сзади.

– Здесь ты можешь сколько угодно раз повторять одно и то же движение. Ведь мы рядом. А ребята готовы к тому, что ты учишься – как и они. Чтобы однажды потом это спасло твою жизнь. Понимаешь?

– Да...

Я не мог отвести взгляд от глаз учителя. Они гипнотизировали. Говорят, вроде, что, когда кто-то вызывает восхищение, ему в рот смотрят. Ну, не знаю. Я смотрел в глаза. Он улыбнулся и погладил меня по плечу.

– Не переживай так. Улыбнись! Смотри, какие славные люди вокруг. Их же одно удовольствие побить!

Я улыбнулся в ответ, просто не мог не!

– Спасибо...

Ари хлопнул в ладоши.

– Одна линия! Андраж, можно тебя? Возьми пару лап.

К учителю вышел высокий молодой человек с немного лукавым, но добрым лицом. Он выставил лапы, готовясь ассистировать.

– Сейчас ещё раз посчитаемся. Вторые возьмут лапы, первые работают. Все рассредоточиваемся по залу и начинаем двигаться. По команде вторые начинают включать первых ударом лапы, и первые должны отработать в неё либо прямые, либо локоть, все, что знаете. Два-три удара, пост-файт, и двигаетесь дальше. Пост-файт обязателен, потому что в зале есть... сволочи. Не скажу сколько, но есть. Смена по команде. Все понятно? Первый-второй.

В строю я оказался рядом с парнем, который был выше меня чуть ли не на две головы. Его кожа была смуглее, чем у остальных, короткие темные волосы и болотные глаза. На руках были накачаны мускулы. И когда он повернулся ко мне, я даже испугался немного. Но, неожиданно, он улыбнулся мне, так добро и весело, что мои губы дрогнули в ответ. Потом я узнал, что парня звали Макс.

Мы начали двигаться по залу. Я чувствовал, как бешено колотится сердце. Да, конечно, это всего лишь тренировка, но мне все равно было немного страшно. Ари хлопнул в ладоши, и тут же кто-то шлепнул меня лапой по плечу. Я резко обернулся и увидел огромные глазища Маржеты. Я послал два прямых удара в подставленные лапы.

– Янко, возвращай руки к лицу! – послышался голос учителя, – Макс, плечи ниже! Лис, хорошо, чуть резче.

Вокруг меня творился какой-то хаос. Люди перемещались, отпрыгивали, сталкивались, наступали друг другу на ноги. В общем, происходило именно то, что я ненавидел больше всего. Бардак. И я никак не мог его контролировать!

Кто-то столкнулся со мной, и я полетел на пол.

– Живой?

Над мной склонился коренастый молодой мужчина со светло-каштановыми волосами, забранными в хвост, рыжей бородой и серо-зелёными глазами. Это был Драго, муж Лис. Я кивнул. Он протянул мне руку и помог встать.

Я всадил пару ударов в лапы, которые держал Макс, сделал пост-файт и отскочил в сторону, потому что вдруг увидел сзади Андража с огромным ножом.

– Молодец, – кивнул тот.

Моё сердце к этому моменту уже делало двести ударов в минуту.

– Смена! – наконец крикнул Ари, и Маржета, оказавшаяся рядом, впихнула мне свои лапы.

Я наконец-то смог почувствовать, какую силу скрывают в себе эти люди. Я не знал, вкладывали ли они сто процентов в удары, но даже если нет, этого уже бы хватило.

– Стоп! Сказали друг другу «спасибо», лапы на место, одна линия, и сразу заминаемся. Первый-третий!

Это было что-то вроде укорочённой разминки. А я к этому моменту уже еле стоял на ногах. Но, на секундочку, прошло два с лишним часа с начала тренировки!

Отдышавшись, мы снова выстроились вдоль стены, и Ари подвёл итоги. А потом мы снова поклонились друг другу.

– Ребят, Санчо, Андраж, Элайджа, не убегайте потом, ладно? Надо поговорить, – сказал Ари, хитро улыбаясь.

Санчо повернулся ко мне.

– Детёныш. Дождёшься?

Я мелко закивал. Мне-то некуда было спешить.

В раздевалке снова все болтали. Обсуждали тренировку, просто трепались за жизнь. Когда я вошёл, ребята посмотрели на меня и переглянулись, но, видимо, все были слишком тактичными, чтобы задать вопрос в лоб. Наконец не выдержал Макс.

– Янко, слушай... мы не против, но ты точно хочешь быть именно в этой раздевалке?

– Да, – выдохнул я, сглатывая ком в горле.

Они закивали.

– Тогда вопросов нет. Не, есть вообще-то. Как тебе тренировка? Понравилось?

Я кивнул и слегка улыбнулся.

– Устал только...

Они засмеялись и продолжили вести свои разговоры. Впервые столько людей сразу приняли меня таким, какой я есть! Я переоделся и выскочил на улицу. Там я сел на скамейку у входа и стал ждать. Ребята выходили, кивали мне, прощались. Потом вышла целая группа. В ней были девушки, Драго, Макс и ещё один улыбчивый молодой человек, Тадей. Они подошли ко мне. Лис хлопнула меня по плечу.

– Ну что, останешься?

– А... наверное, да.

– Давай без «наверное».

Я улыбнулся. Они мне нравились, уже.

– Тебе лет-то сколько? – спросил Драго.

– Семнадцать.

– Сын полка, – кивнула Маржета.

Они рассмеялись.

– Короче, давай, до среды! Чтоб пришёл!

Я кивнул, а они, помахав мне, ушли. Я подтянул колени к груди и упёрся в них лбом. Я устал непередаваемо. Мне хотелось упасть и уснуть. Но не хотелось расставаться с Санчо и Ари. Мастер просил дождаться его.

Я почувствовал руку на своей голове и поднял глаза. Передо мной стояли все четверо заговорщиков. Ари улыбался, Санчо, убрав с моей головы руку, набивал трубку.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил учитель.

– Хорошо, – пробормотал я, глядя на него во все глаза.

Он рассмеялся и сжал моё плечо.

– В шоке?

– Ещё бы...

– Это нормально. Но хоть в хорошем смысле?

– Да! Да, Ари, а что насчёт, ну, денег?

Учитель повернулся к мастеру и прищурился.

– А мы тут уже договорились. Так что не переживай. Если захочешь остаться, с этим проблем не будет.

Санчо приподнял брови, медленно качнул головой и выпустил дым из угла губ. Я резко повернул к нему голову.

– Но... Санчо, почему... что вообще...?

Андраж и Элайджа улыбались и качали головами.

– Ладно, мы пошли! До среды.

– Пока, – молодые люди пожали друг другу руки.

Санчо и Ари повернулись ко мне. Я опустил ноги на землю и кое-как встал.

– Санчо...

Он обхватил меня локтем за шею и потащил в сторону, Ари, посмеиваясь, шёл рядом. Говорили они по-русски. Такой похожий и немного странный язык. Было много знакомых слов, но суть я не ухватывал.

Мы дошли до большого перекрёстка, на котором, как выяснилось, нам надо было разойтись аккуратно в три разные стороны. Мастер и учитель пожали друг другу руки, Санчо провёл по моей голове от затылка ко лбу, а Ари сжал мою... левую руку. Он обхватил её двумя ладонями и скользнул пальцами по шрамам. Даже в полутьме я видел, как блестят его глаза. Это был очень пристальный и многозначительный взгляд. Я отвёл глаза.

– До среды, – сказал он, медленно отпуская мою руку.

– Да...

Я быстро развернулся и побежал своей дорогой. Потому что больше всего я ненавижу смотреть в спины уходящих людей.

Когда я вернулся домой, мама уже спала. Я прошёл к себе в комнату и рухнул на кровать носом вниз. У меня совсем не было сил, даже чтобы поесть. Я закрыл глаза и стал вспоминать все, что случилось за день. А вернее, за его последние несколько часов. Я никогда не знакомился сразу с таким количеством людей одновременно. Ну только когда в школу поступил, но это не считается. Там были такие же, как я, дети. А здесь были взрослые состоявшиеся люди. Они пришли в зал по собственной доброй воле. И по собственной воле и за свои же деньги терпели удары. И это было немного странно и очень символично. На этом я отключился.

Ночь промелькнула. Будильник заорал в шесть, и я проснулся и попытался встать. Именно попытался. У меня болело абсолютно все тело, каждый сантиметр, каждая мышца, даже те, которые, кажется, в принципе не могут болеть. Я со стоном свалился с кровати и встал на четвереньки. Это была плохая идея. Оказывается, гораздо легче принять вертикальное положение из сидячего, чем из лежачего.

Кое-как добравшись до ванны я устался на себя в зеркало и понял, что вечером не обратил внимание на то, что мои запястья... нет, это были не царапины: это было кровотечение через кожу. Я не ожидал, что захваты окажутся такими сильными. Синяки были похожи на пятна черничного варенья на скатерти. Красиво и больно!

– Ладно, – пробормотал я, влезая под душ.

И все-таки, все-таки... несмотря на боль, на синяки и усталость, я мечтал, чтобы чёртов вторник прошёл как можно скорее.

Гаспер поправил очки и внимательно оглядел меня.

– Тебя били?

– Нет. Да. Ну не совсем. Гаспер, тут такое дело...

Я выложил историку все, что произошло в моей жизни за последнюю неделю. Он внимательно меня выслушал и на некоторое время задумался.

– Хорошо, – вынес он вердикт, – вот это хорошо для тебя. Плохо, что они все тебя в два раза старше. А все остальное – хорошо. Хотя, – он улыбнулся, – то, что они старше, тоже хорошо. Может, научат чему.

– Плохому?

– И этому тоже.

Я сжал в руках коробку с новыми открытками.

– Они... меня приняли...

Он кивнул.

– Тогда тебе действительно стоит вернуться. Ты согласен?

– Да.

Поэтому в среду, после учебы и работы, я, уже сам, один, без Санчо, дошел до спортклуба и с трудом открыл тяжелую металлическую дверь. В коридоре никого не было, но я видел две пары кроссовок, стоящие у входа в раздевалку, хотя сама раздевалка была пуста. Я переоделся и вошел в зал.

Ари поднимал штангу перед зеркалом. Увидев меня, он упер руки в бока и заулыбался.

– Ну, привет, я очень рад тебя видеть! – он протянул мне руку, – как ты себя чувствуешь после прошлой тренировки?

– Ох... у меня все болит... мышцы, я имею в виду.

– Это нормально, ничего, постепенно перестанут. А как вообще ощущения?

– Все хорошо, спасибо.

– Тогда разминайся или можешь еще отдохнуть минут сорок, как хочешь, – он хлопнул меня по плечу, – нет, правда, я рад, что ты пришел.

– Я тоже...

В другом углу зала разминался худощавый парень лет двадцати пяти, с копной черных вьющихся волос, забранных в хвост. Увидев меня, он отложил блин от штанги и протянул мне руку.

– Привет. Алеш.

– Янко.

Я сел у стены и подтянул колени к груди. Алеш покосился на меня, а потом подошел.

– Будешь делать со мной комплекс с болгарским мешком?

– Чего?

Он притащил из кучи мешков, сделанных из старых шин и набитых песком, два поменьше и протянул один мне. Я согнулся под его весом.

– Хмм... давай тогда все то же самое, только с блином. Выбери себе, какой подходит.

Я стянул со стойки пятикилограммовый и встал напротив Алеша. А дальше началось самое интересное. Это был комплекс из десяти разных упражнений, где надо было этот мешок, ну, или блин, крутить, вертеть, поднимать, опускать и все в таком духе. Я взмок уже на втором. Ари внимательно наблюдал за нами, но молчал, а вот Алеш поправлял мои ошибки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.